

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
КАЗАХСКОЙ ССР**

(1785—1828 гг.)

Т. IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор В. И. Лебедев
Ведущий редактор Б. А. Вадецкий
Технический редактор Д. С. Бабкин
Корректор В. А. Заветновский

Сдано в набор 27/III 1938 г. Подписано к
матрицированию 25/III 1939 г. Подписано
к печати с матриц 23/II 1940 г. 543 стр.
+ 1 карта. Формат бумаги 70 × 108.
35 печ. л., 45,5 уч.-авт. л. Тираж 3000. Лен-
горлит № 974. РИСО № 851 — АНИ № 345.
Заказ № 611.

Набрано в тип. Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 лин., 12. Отпечатано
с матриц в тип. им. Володарского, Ленин-
град, Фонтанка, 57.

ТОМ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ ПОД РУКОВОДСТВОМ М. П. ВЯТКИНА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УПАДОК В МАЛОЙ ОРДЕ В КОНЦЕ XVIII — НАЧ. XIX В.

I

Материалы настоящего выпуска хронологически охватывают период истории Казахстана, по преимуществу Малой Орды, с 80-х годов XVIII столетия по 20-е годы XIX, — период хозяйственного упадка и обострения политической борьбы в Малой Орде. Материалы, освещающие причины этих событий, войдут в III том настоящего сборника но поскольку первым из печати выходит IV том, необходимо хотя бы кратко остановиться на основных явлениях, подготовивших упадок Малой Орды в конце XVIII в., и прежде всего — на колониальной политике царизма в Казахстане в XVIII в.

Принятие русского подданства ханом Абулхаиром в 30-х годах XVIII в. облегчало наступление феодально-крепостной России на казахские степи,¹ но развернуть это наступление царскому правительству удалось позже, после подавления восстаний в Башкирии (1735—1736 и 1737—1740 гг.).

Наступлением руководил первый оренбургский губ-р И. И. Неплюев. В военном отношении деятельность Неплюева сводилась к концентрации на Яике регулярных войск, затем к составлению так называемого «запасного плана», содержащего проект мобилизации местного как русского, так и нерусского населения для военных «поисков», т. е. нападений на казахов,² и, наконец, к созданию укрепленных линий, т. е. к построению крепостей и связывающих эти крепости редутов. Такая линия строилась по Яику, укреплена была линия по Иртышу и создана так называемая Уйская линия. Линии укреплений не являлись оборонительными. Эти линии ограничивали районы кочевий казахов: жалобы на стеснения кочевков мы встречаем в документах еще 40-х годов. Чтобы понять значение земельных ограничений, создаваемых проведением укрепленных линий, мы должны представить себе внешнее окружение казахов в XVIII в., когда под давлением Джунгарии³ началось движение казахских родов Малой Орды от Сырдарьи к Яику. Там они получили возможность расширить кочевья за счет земель, частично занятых калмыками, там же столкнулись они с банкирами. Создание укрепленных линий фактически отнимало у казахов возможность расширения кочевий на запад от Яика, хотя формально право перекочевывать за Яик у них было отнято лишь в 1756 г. Ограничена была возможность экспансии для казахов в сторону каракалпаков, кочевавших к востоку от Аральского моря, и туркмен.

¹ Рассмотрение тех явлений, которые побудили хана Абулхайра принять русское подданство, не входит в задачи настоящей статьи. Отметим лишь, что перед Абулхаиром стояла альтернатива: или подчиниться Джунгарии, как это сделали феодалы Средней Орды, или искать протектората царского правительства. Подробнее об этом см. I том настоящего сборника, разд. I.

² Содержание «запасного плана» см. примечание 59.

³ В наших источниках Зенгория.

Укрепленная линия не только сжимала кочевья казахов, но и создавала базу для военных «поисков» в степь.

Время Неплюева и его преемников, особенно оренбургского губ-ра Давыдова, богато военными нападениями, которым подвергались казахи, но глубоких проникновений в степь Неплюев организовать не мог. Глубокие проникновения в степь для царских вооруженных отрядов были недоступны и значительно позже, даже в 20-х годах XIX в.¹

Единственным средством укрепления политического влияния царской администрации в глубине степи было использование ею правящей казахской знати. Но эта знать была неоднородна и разбивалась на различные группы. Основными группировками в Малой Орде были две феодальные фамилии: одна вела свое происхождение от Осека, а другая — от Жадига. Последняя линия являлась той, из которой выходили казахские ханы; к ней принадлежал во время губернаторства Неплюева султан Батыр, имевший тесные связи с очень влиятельными группами султанов Средней Орды Барака и Аблая. Абулхаир был первым ханом Малой Орды, происходившим из линии Осека. В глазах феодальной знати он был выскочкой; отсюда трудности его внутреннего положения, которые нельзя игнорировать при учете причин принятия Абулхаиром русского подданства,² хотя решающую роль в этом сыграла все же угроза порабощения Джунгарией.

К 40-м годам феодалам группы Абулхаира удалось оттеснить представителей линии Жадига в сторону гор. Туркестана и Джунгарии. Положение существенно не изменилось и после возвращения Аблая из джунгарского плена в 1744 г. Самим характером расположения феодальных кочевий царская администрация была поставлена в необходимость ориентироваться в своей политике на группу Абулхаира.³

После убийства Абулхаира в 1748 г. султаном Бараком Неплюев постарался укрепить связи с фамилией убитого хана: он добился обращения вновь избранного в ханы Нур-Али, сына Абулхаира, к царскому правительству с просьбой об утверждении его ханом.

Дальнейшей мерой укрепления влияния царизма в степи, оказавшейся очень эффективной, было развитие торговли с казахами. Но торговля служила не только для завязывания экономических связей с Ордой, она являлась в то же время средством колониального грабежа казахов. На ряду с крупными купцами действовали мелкие торговцы, в частности имущие слои казаков Уральского войска и прочих прилинейных жителей. Деятельность их и приказчиков крупных торговцев не ограничивалась меной при линии: они проникали со своими товарами в степь. На таких экспедициях через неэквивалентный обмен наживались огромные барыши.⁴ По существу той же цели служили и военные набеги под вывеской наказания

¹ Наглядной иллюстрацией этому служит приложенная к настоящему тому карта, где нанесены маршруты карательных экспедиций начала XIX в.

² Сам Абулхаир писал в 1748 г. Тевкелеву: «И не советуя о том никому, не объявляя своим салтанам и подлым знатым своим биям, предал себя под высочайшую протекцию; его и. в. ко мне милостию над неприятельми своими хотел иметь отмщение». ГАФКЭ. Колл. ин. дел, К 15, № 3, 1748 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, л. 29.

³ Решительно изменилось соотношение сил в пользу феодалов линии Жадига только после смерти Абулхаира (подробно история борьбы этих феодальных группировок освещена во II томе настоящего сборника).

⁴ Вот, для примера, данные, приводимые начальником Петропавловской таможни Чернявским: чугунный котел менялся на меха, причем за каждую азиатскую четверть (5 верш.) в окружности брали 1 лисицу или 4 корсака или 3—5 лучших тулупных мерлушек. При таком обмене котел весом 1 п., имевший в окружности 10—12 четвертей, в переводе на деньги стоил около 50 руб., а покупался он на Ирбитской ярмарке за 2 руб. 70 коп. (УЦГАЛ. Канц. мин-ра коммерции, св. 32. № 1125, лл. 12—12 об.)

бармтовавших казахов.¹ Как правило, казахи, делавшие набег на линию, оказывались вне досягаемости царских отрядов, но дело было совсем не в борьбе с бармтовщиками, а в захвате скота казахов, кочевавших вблизи линии. Часто такие «нападения» выдумывались или крайне преувеличивались прилинейными властями, чтобы создать предлог для набега в степь.²

Набеги сопровождались бесчисленными захватами, дающими возможность захватчикам составлять целые состояния. Эти набеги наносили огромный материальный ущерб казахам и ослабляли казахские аулы. Но это ослабление совпадало с целями царской колониальной политики.

Другим способом материального ослабления казахов являлось (помимо земельных захватов через постройку линий, военных набегов и торговли) натравливание их на башкир и калмыков. Во время восстания Батырши (1755 г.) массы башкир бежали в Малую и Среднюю Орды. Неплюев письмами на имя хана Нур-Али, султана Ер-Али и других феодалов предложил разграбить бежавших башкир, забрать их имущество, жен и детей, а взрослых мужчин выдать России. План Неплюева был осуществлен наполовину: башкиры были разграблены казахскими феодалами, но беглецы были выданы в ничтожном числе. Однако цель Неплюева была достигнута: не только союз между этими двумя народами, представляющий серьезную угрозу царскому господству, был предотвращен; инцидент послужил причиной глубокой вражды башкир и казахов, вражды, следы которой еще ясно чувствовались в начале XIX в. Неплюев широко использовал и эту вражду для ослабления казахов: он предложил командирам редутов и крепостей не препятствовать башкирам переходить за линию для набегов на казахов, но запретил пропускать казахов для ответной бармты, а на жалобы старшин отговаривался неспособностью пограничных властей помешать башкирам перебираться за линию. Натравливание казахов на калмыков особенно ярко сказалось в 1771 г., во время бегства волжских калмыков из России. Казахам пытались использовать не только в борьбе с движением угнетенных царизмом народов, но и в международных осложнениях: с Китаем и, до 1758 г., с Джунгарией. Одновременно царское правительство стремилось опереться на феодальную верхушку казахского общества, привязать ее к себе задариваньем, жалованьем, раздачей чинов, и в то же время помешать ей усилиться настолько, чтобы для нее отпала заинтересованность в поддержке царизма. Это достигалось путем разжигания внутренней борьбы между феодальными группировками. Хан и султаны шли на союз с царизмом: султаны, поддерживавшие фамилию Абулхайра, нуждались в союзе с царизмом, особенно во 2-й половине XVIII в., когда влияние султанов, потомков Батыра, укрепилось среди казахов поколения Алим-улы, которое признало сына Батыра, Кзыпа, своим ханом. Но было бы ошибкой думать, что связь царского правительства с феодалами «белой кости» группы Абулхайра объясняется только внутриклассовой феодальной борьбой в Малой Орде. Сотрудничество царского правительства с ханом и султанами складывалось в условиях классового расслоения среди казахов, в условиях развивающихся феодальных отношений.

Союз царских колонизаторов и казахской знати складывался на основе углубления эксплуатации трудящихся казахов. В развитии и углублении эксплуатации трудящихся казахов местными феодалами союз этих феодалов с царскими колонизаторами сыграл огромную роль.

В XVIII в. мы еще наблюдаем в Казахстане ряд патриархально-родовых, общинных институтов. Из этих институтов отметим прежде всего аул —

¹ Т. е. казахов, нападавших на линию. Подробное разъяснение термина «бармта» дано в примечании 23.

² ГАФКЭ. Колл. ин. дел, К 61, № 1, 1790 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, л. 103.

основную хозяйственную ячейку казахского общества. Кочевали не отдельными семьями, а аулами. Аулы часто объединялись в процессе кочевок, но когда раздроблялись, то не на индивидуальные хозяйства, а опять же на более мелкие аулы. Говоря об аулах, Г. Броневский пишет: «Аулы или, лучше сказать, семейства, бывают, смотря по величине фамилий, от 50 до 70 юрт».¹ Это показание можно было бы подтвердить и рядом других источников. Наличие аула как основной кочевой ячейки, ядро которой составляла группа лиц, связанных кровным родством, и придавало быту казахского общества патриархально-родовой характер. Однако по содержанию, по характеру общественных отношений, аул, как мы увидим далее, совсем не носил характера первобытной большой семьи. Вместе с тем аулы далеко не представляли собою замкнутой общественной единицы. Но и в связях между аулами сохранялись черты родового быта. Отметим прежде всего территориальную определенность районов кочевки каждого «рода» при отсутствии частной собственности на землю: земля считалась в распоряжении всей общины, всего «рода».

«Род» управлялся формально выборными старшинами, хотя фактически общественные должности сохранялись наследственно в руках родовой знати.²

Следы патриархального родового быта проявлялись и в ответственности «рода» или отделения за произведенную бармту и за убийство, совершенное членом рода.³

Сохранялись и следы родового быта в политическом строе. Эти следы мы находим в следующем сообщении Оренбургской экспедиции пограничных дел гр. А. Р. Воронцову от 80-х годов XVIII в.: «... и когда оные старшины, ханские дети и прочие султаны, в случае народного какого-либо требования, служат им по желанию их, то за то они, киргиз-кайсаки, их любят и почитают, а в противном случае пренебрегают». Подтверждает это и Георги: «да и такие определения, которые сделали с общего согласия всех аймакских начальников, исполняются народом токмо потолику, поколику они ему угодны».⁴

Все это говорит, конечно, о том, что казахи в XVIII в. жили еще в условиях патриархально-родового быта, но все эти данные еще не вскрывают нам общественных производственных отношений казахского общества. Несмотря на скудость данных в наших источниках XVIII в. именно для характеристики общественных производственных отношений, все же эти данные достаточны для того, чтобы показать, что в XVIII в. под оболочкой патриархально-родового быта вызревали феодальные отношения эксплуатации.

Само по себе существование общинной собственности на землю еще не является достаточным основанием для отрицания феодальных отношений. Захват общинных земель создавал материальную базу, на основе которой происходило развитие феодальных отношений как у земледельческих народов, так и у кочевых. Но формы этого захвата у земледельческих и у кочевых народов были неоднородны.

У кочевых народов захват общинных земель был связан с концентрацией скота в частной собственности при сохранении формально общинной собственности на землю. Но при этом концентрация скота в руках феодалов фактически приводила к концентрации и пастбищ. Так было как у казахов,

¹ Записки Г. М. Броневского о киргизах. Отечеств. записки, № 121, 1830, стр. 186.

² Соответствующие данные приведены в статье А. П. Чукошникова «К истории феодализма и феодальных отношений в Казахстане». Изв. Акад. Наук, № 3, 1937.

³ УЦГАЛ. Канц. мин-ра коммерции, св. 29, № 1026: «Примирение их в таковых бармтах и за убийство удовлетворяется целым отделением...»

⁴ Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб., 1799, стр. 124.

так и у монголов.¹ При отсутствии частной собственности на землю она распространялась на скот, причем в руках биев, султанов и других феодалов концентрировалось огромное количество голов скота. Вместе с тем и фактическое распоряжение кочевьями переходило в руки ханов и султанов.

Приглядываясь к отношениям людей в процессе производства в казахском обществе XVIII в., мы ясно видим, что эти отношения складывались в формах, характерных для феодализирующегося общества. Это — феодальная рента в форме своеобразной барщины. Описание этой барщины мы встречаем у Георги, который наблюдал состояние Малой Орды в конце 60-х и в 70-х годах XVIII в. «Богатые, — пишет он, — наделяют скудных скотом, а они, в знак благодарности, приглядывают за скотиною своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывають ему за то ни чем обязаны; если же он, по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям, лишится своих стад, то наделенные им пржеде приятели дають ему толикое же число или еще с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало затем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как бы вечными».² Это — описание отработочной ренты на основе условного владения скотом, право собственности на который все же оставалось за феодалом.

Интересно отметить, что развитие этой барщины Георги связывает с несовместимостью роста скотоводства и концентрации скота в руках отдельных семей с рабовладельческими отношениями. К описанной форме эксплуатации богачи прибегают потому, что «не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников».³

Эта барщина характерна для развивающихся феодальных отношений внутри «рода», в частности она характерна и для внутриаульных отношений. Здесь под формой патриархально-родового быта скрывались классовые отношения. Внутри аула скот принадлежал отдельным семьям. Поэтому здесь существовало значительное имущественное неравенство, перераставшее в классовое расслоение. Имущие слои, представители которых назывались баями, пользовались трудом бедноты. Указания на это мы встречаем в экстракте из журнала муфтия Мухамеджана Хусаинова.⁴ Отношения же эксплуатации султанами, феодальной знатью так называемой «белой кости», массы трудящихся казахов в XVIII в. развивались по преимуществу в форме оброка. Правда, в источниках мы встречаем указания, говорящие как будто об отсутствии оброка. Так, например, у П. И. Рычкова мы читаем: «Доходов определенных, собираемых с народа, ни ханы, ни салтаны не получают; содержат себя больше от своей собственной экономики добровольными подарками и добычею на войне».⁵

Соответствующие указания мы встречаем и у Георги.⁶ Но приведенные показания Рычкова говорят только о том, что само по себе звание старшины, султана еще не давало возможности фактически производить поборы; требовалась, кроме того, сила. Показания Рычкова относятся к середине XVIII в., а еще в конце XVII в. хан Тауке вводил обложение казахов. В 1789 г. хан Каип Батыр улы ввел обложение среди казахов поколения Алим-улы.⁷

¹ См. Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Общественный строй монголов. Изд. Акад. Наук, Ленинград, 1934, стр. 164.

² Георги, цит. соч., стр. 139.

³ Там же.

⁴ Док. № 11 настоящего сборника.

⁵ ЛОИИ. Собр. гр. Воронцовых, № 358, л. 55.

⁶ Георги, цит. соч., стр. 138.

⁷ Архив Гос. совета, т. I, ч. II, стр. 847.

Характер оброка носили обязательные угощения старшин, подношения и пр.

В 1785 г. бар. О. А. Игельстром доносил Екатерине II, что хан «при перегонах во внутрь линии и в степи на удобные для корму места скот киргизской собирал с каждого коша при всяком перегоне по 1 лошади и 1 барану. Сверх сего, дети ево, хана, коих имеет 40, подезжая к тем же местам, собирали с народа каждой равную же для себя часть».¹

Ряд таких поборов перечисляет и «представление» собрания старшин и народа 1785 г. Екатерине II.²

Поборы были обычным явлением в жизни казахской знати. Броневский пишет, что право, конечно неписанное, феодалов «брать в виде дани у беззащитных киргизцев лошадей и вещи, какие им нравятся, посредством тюленгутов, часто превращается в грабеж. Посещение солтана с немалою ватагою, коих и кормить должно поневоле».³

Собственно, и Рычков не отрицает этих платежей, он лишь подчеркивает их своеобразный, «добровольный» характер, может быть потому, что в приведенном отрывке он упоминает о богатых казахам, а не о казахской бедноте. Косвенное указание на развитие оброка в XVIII в. мы встречаем в показаниях бар. Е. К. Мейендорфа, относящихся к началу 20-х годов XIX в. Именно в записке Мейендорфа мы читаем, что султан Арын-Газы задержал 3-х хивинцев, посланных от своего хана «для сбора подати, платимой обыкновенно киргизами своим владетелям»⁴ (подчеркнуто мною. — М. В.).

В той же записке мы находим указание на то, что хивинский хан, признавая ханом Маненбая, сына Шир-Газы Каип-улы, обязал его платить себе (т. е. хивинскому хану Мухамет-Рахиму) «треть доходов, кои он с киргизцев получает и пошлин, которые соберет с проходящих караванов».⁵

Таким образом в казахском обществе мы встречаем отношения феодальной эксплуатации в форме отработочной и продуктовой ренты. Насколько далеко зашли эти отношения эксплуатации? Можно ли говорить о закреплении свободных казахов? Говорить о том, что для значительной части трудящихся казахов отношения феодальной зависимости выросли в крепостничество, — нет оснований.

Говоря о закреплении казахов в XVIII в., обычно ссылаются на тюленгутов, поэтому мы должны присмотреться внимательно к институту тюленгутизма. Рычков говорит, что хан употребляет для наказания провинившихся «из находящихся при них особых служителей, коих они называют тюленгутами».⁶ Левшин характеризует тюленгутов как «прислужников ханских и султанских» и пишет о них, что они «принадлежат вообще к простому народу и пользуются одинакими с ним правами»,⁷ причем, противопоставляя тюленгутов рабам, Левшин прибавляет, что эти последние, т. е. рабы, «не принадлежат к киргизским поколениям». Это дает основание думать, что тюленгуты принадлежали к казахским поколениям. Действительно, среди имен тюленгутов XVIII в. встречаются имена казахов. Но делать отсюда вывод, что все тюленгуты были казахи, было бы неправильно.

¹ Док. № 9, II настоящего сборника.

² Там же, № 9, I.

³ Записки Г. Броневского о киргизцах. Отечеств. записки, № 119, 1830, стр. 88.

⁴ Док. № 122 настоящего сборника.

⁵ Там же.

⁶ ЛОИИ. Собр. гр. Воронцовых, № 247, л. 11 об.

⁷ Левшин. Описание Киргиз-Кайсацких Орд и степей, т. III, 1832, стр. 96. Эту характеристику подтверждает одна приписка к документу 1752 г.: «... тюленгуты, — кочующие около хана киргизцы, ханские служители». ГАФКЭ. Колл. ин. дел, К 52, № 3, 1752 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, л. 3.

В литературе наиболее подробное и обстоятельное исследование о тюленгутах мы находим в незаслуженно забытой статье Ф. Зобнина.¹ Зобнин пользовался материалами опросов старшин, биев и султанов Средней Орды, произведенных окружным стряпчим Скориной по предложению начальника б. Омской области в 1833 г. по вопросу о социальном положении тюленгутов. Так, например, 80-летний бий Актюбетевской вол. Уджет Кутенев показал: «Название тюленгут не составляло в прежнее время такого значения, чтобы именующий себя тюленгутом какого-либо султана был оному крепок наравне с кулом (рабом) и стеснялся бы в свободе. Напротив, название сие в прежнее время было еще в уважении, ибо служило как охранением личности от разных утеснений посторонних киргизов, так и в сбережении скота, для чего многие искали сего звания и на скот свой налагали султанскую тамгу. Но впоследствии вновь оставляли султанов по каким-либо обстоятельствам и избирали места для себя по собственному желанию».²

Бий Чабиштай Сагалов показал: «Тюленгуты приобретаются киргизскими султанами тремя способами. Во-первых, по неимению скотоводства бедные киргизы прибегают к достаточным и остаются у них из-за одного пропитания даже навсегда со своим потомством. Во-вторых, имеющие скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть под покровительством, остаются при покровителе также потомственно, а иногда отходят и увольняются по доброй воле владельцами, по учинении с ними расчета содержания и приобретения скота. Если же тюленгут оказывал покровителю верность в услугах, то отпускался и без всяких расчетов, даже еще и с наградою. В-третьих, во избежание какого-либо взыскания, правильного или несправедливого, киргизы укрываются под покровительством султана или другого влиятельного киргиза. Султан или владелец оказывает тюленгутам все от него зависящие к защите пособия. В случае, если у ответчика тюленгута недостает на расплату с кем-либо скота, то султан и прочие тюленгуты выплачивают из собственного своего имущества. Такие тюленгуты не могут по своей воле отойти от одного владельца к другому. Что же касается слуг или невольников (кулов), то оные приобретаются покупкою, байгою, в приданое и в штраф по делам. Эти невольники на отход от владельца никакого права не имеют. Они составляют часть имущества, и владельцы передают их как свое имущество и в другие руки, а иногда лишаются через баранту».³

Мы привели это длинное показание, чтобы иметь возможность сопоставить положение тюленгутов в первой половине XIX в. с тем, свидетелем которого был 80-летний бий Уджет Кутенев. О том, что Уджет Кутенев мог здесь говорить о своих наблюдениях, а не о преданиях, подтверждается и сопоставлением показаний, относящихся к 80-м годам XVIII в., переводчика Бекчурина и полковника Дилигрейна. Рассказывая об освобождении захваченного казахами Средней Орды одного купца татарина, Бекчурин пишет: «А как помянутый татарин стал повозку свою запрагать, то, выбежав из кибитки 2 ханские тюленгута (т. е. служителя), Кирги и Кутечь, учинили в том ему препятствие», а Дилигрейн, рассказывая тот же инцидент, называет упомянутых лиц батырами. Сам хан писал оренбургскому губ-ру Давыдову в 1762 г.: «Оных тюленгутов моих я не хуже киргизцев почитаю, ибо они мои не крестьяне, а только я их любя при себе имею и вместе с ними кочую».⁴

¹ Ф. Зобнин. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи. Памятная книжка Семипалатинской обл. на 1920 г., вып. VI.

² Ф. Зобнин, цит. соч., стр. 42.

³ Ф. Зобнин, цит. соч., стр. 39. В статье Ф. Зобнина приведен еще ряд аналогичных показаний.

⁴ ГАФНЭ. Колл. ип. дел, К 44, № 13, 1762—1763 гг., Сношения России с киргиз-кайсаками, л. 51.

Это сходится с показанием Уджета Кутенева. Вероятно, толенгутизм первоначально соответствовал институту нукеров у монголов, и толенгутум первоначально могло быть лицо, близкое к феодалам.

Но в 30-х годах XIX в. положение толенгута приближалось к положению крепостного. Однако нельзя утверждать, что в этот период и тем более в XVIII в. процесс закрепощения был завершен. Одной из форм этого процесса являлось снижение общественного положения толенгутов, приближавшее их к крепостным. Любопытно с этим сопоставить показания самих султанов о том, что толенгуты их крепостные, но это отражало не действительное положение толенгутов, а стремление султанов отождествить кулов и толенгутов. Мы можем целиком присоединиться к замечанию Ф. Зобнина: «Султаны, заинтересованные в том, чтобы иметь около себя побольше послушных рабов, утверждали, что тюленгуты и кулы — одно и то же. Все они обязаны, что называется, „до гроб жизни“ служить султану. Рядовые же киргизцы были других мнший».¹

Притязания султанов находили решительный отпор со стороны толенгутов, которые считали себя свободными людьми.²

Это, конечно, не доказывает отсутствия феодального гнета в Казахстане в XVIII в. Мы не должны забывать, что формы и степени внешнеэкономического принуждения, характерного для феодальных отношений, «могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» (Ленин).³ Что в XVIII в. в Малой Орде феодальные отношения не превратились в крепостничество, подтверждает и следующее замечание Я. Гавердовского: «Киргизцы бедные, с малыми семействами, вступают обыкновенно в аул под покровительство старейшины и для снискания себе безопасности должны угождать своим покровителям, перенося иногда насилия. Но если отягощение превзойдет меру, тогда принимают они сторону противных партий и во отмщение, прикрываясь видом баранты, нападают на табуны своих начальников».⁴

Это замечание применимо и к толенгутам. Так Бекчурин, один из лучших знатоков Малой Орды конца XVIII в., писал: «По приезде его, Кили хана, к нам, все тюленгуты от нынешнего хана отстанут и к нему, Килу, присоединятся, да и ныне многие тюленгуты и вагайцы от него отстали».⁵

Несомненно, что феодальные отношения не находились в застывшем состоянии, они развивались; однако заметно развиться закрепостительные тенденции могли лишь в начале XIX в. после поражения двух крупных движений: движения казахов во время крестьянской войны Пугачева и движения Срыма.

Но сами эти движения были подготовлены усилением феодально-колониального гнета в Малой Орде. Основным условием, определившим усиление феодальных форм эксплуатации, было ослабление казахской общины (аула), вызванное разорением казахов под гнетом своих феодалов и царских колонизаторов, на базе разложения отношений первобытного рабства, широко распространенного в Казахских Ордах, в том числе и в Малой Орде.

Казахи не только продавали невольников в Хиву и Бухару, они там их и приобретали. «Невольников киргиз-кайсаки получают из разных стран, а именно из Хивы, Бухарии, каракалпацкого, туркменского и араль-

¹ Ф. З о б н и н, цит. соч., стр. 37.

² Ф. З о б н и н, цит. соч., стр. 37.

³ Ленин, соч., т. III, стр. 140.

⁴ Обзорение киргиз-кайсацкой степи, ч. II, рукопись нач. XIX в. из бывш. Рукописного отд. Библ. Акад. Наук, № 34329, л. 71 об. Ныне хранится в ЛОИИ. Гавердовский наблюдал жизнь казахов в начале XIX в. (1803 г.).

⁵ ГАФКЭ. Колл. ин. дел, К 61, № 2, 1775—1780 гг., Сношения России с киргиз-кайсаками, л. 139 об. «Журнал» Бекчурина.

ского народа. . . »¹ Они приобретали рабов (кулов) не только путем захвата, но и «покупая их немалыми ценами».²

Георги прямо указывает, что бедные казахи при захватах «невольниками и товарами поступаются своим богачам за скот или продают первых и бухарцам».³

Невольники были необходимы для ухода за стадами, которые у богатей достигали огромных размеров.

При пастьбе скота один пастух приходился на 50—100 голов скота.⁴ Рабы не только пасли скот, но были заняты также стрижкой шерсти, доением, раздвинением стад (овец), расчисткой снега на пастбищах и пр.

В широких размерах применялся труд рабов и в домашнем хозяйстве. Любопытны в этом отношении записки доктора Большого, сопровождавшего в 1803 г. караван Гавердовского и по разграблении этого каравана попавшего в плен к казахам поколения Алим-улы. «Ежедневная моя работа, — писал С. Большой, — состояла в том, чтобы рубить и собирать дрова, носить воду, топить кибитку, толочь вареное просо, молотить в руках кое-какие полусырые зерна, чистить навоз, которого в течение двух или трех дней накапливается столь много (разумеется, зимою), что целый почти день потребен на одно очищение. Ежели и все сие исполнено будет, то на досуге дадут кучу шерсти, которую сидя теребишь».⁵

Нет никаких оснований говорить, что у казахов первобытное рабство развилось в рабовладельческую формацию.

Но здесь для кочевого народа, как и для народов земледельческих, оправдывается указание Ленина о значении первобытного рабства как этапа в развитии общественных отношений: «Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду. . .»⁶

Разложение отношений первобытного рабства у казахов нельзя рассматривать независимо от колониальной деятельности царских властей. Дело заключалось не только в том, что укрепление линии сузило возможность расширенного воспроизводства труда рабов путем захватов. Укрепление линии являлось своеобразной отдушной, через которую отсеивались рабы из Малой Орды.

Ограничивались возможности захвата рабов и на других границах Орды.

Укажем на захват Китаем территории Джунгарии после ее разгрома в 1758 г., усиление и расширение кокандских владений при хане Алиме, откочевание каракалпаков в сторону Хивы и укрепление могущества Хивы после захвата власти энергичным Мухаммед-Рахимом. Усложнялась и эксплуатация имевшихся рабов.

Мы не встречаем крупных движений рабов в Малой Орде, но борьба между рабами и рабовладельцами, несомненно, существовала. Борьба эта, например, очень ясно проявилась в 1756 г., когда попытка закабалить бежавших в Малую и Среднюю Орду башкир вызвала восстание башкир, разобранных по аулам. Положение создалось настолько напряженное, что казахи опасались в одиночку показываться в степи. Обычной же формой протеста рабов было бегство. Беглецы, перешедшие за укрепленную линию, не выдавались обратно: рабы, принадлежавшие к народностям, находившимся в подданстве России, не выдавались ни при каких условиях; остальные беглецы не выдавались, если соглашались креститься. Из зарегистрирован-

¹ ЛОИИ. Собр. гр. Воронцовых, № 358, л. 17 об.

² Там же, л. 19 об.

³ Георги, цит. соч., стр. 129.

⁴ Георгий, записки, № 122, 1830, стр. 363.

⁵ Сын отечества, № XIV, 1882, стр. 293.

⁶ Ленин, соч., т. XXIV, стр. 367. «О государстве».

ных беглецов за 1742—1754 гг. было выдано обратно лишь немного более одного процента.¹

Безжалостные из Орды рабы частью использовались как рекруты, частью селились на казенных землях, но главным образом обращались в услужение и закарбелялись частными лицами. Жалобы на это и требования возврата безжалостных с исключительным упорством повторялись казахской знатью в течение всего XVIII в.

В развитии феодальных отношений в Казахстане деятельность царских властей ускорила разложение первобытного рабства, но в то же время она придавала феодальной эксплуатации особенно тяжелые острые формы. Указания на это в документах встречаются часто. Мы приведем лишь данные экстракта из донесения ахуна Мухамеджана Хусайнова, который был послан бар. Игельстромом в 1785 г. в Орду с воззванием от ген.-губернатора. В экстракте мы читаем:

«Когда же он, хан, имея на них, киргиз-кайсака, негодование, пограничным командирам сообщает и рекомендует неповинных людей разорять, с г. бригадиром Акутиным имея согласие из своей корысти и взяток, скот их велит захватывать, а при том и людей ловить, которых, со временем выручая, от каждого по несколько лошадей и баранов берет. . . Во время расположения их, киргиз-кайсака, со скотом их на летние и зимние кочевки, некоторым он, хан, к тому позволения не дает, а ежели которые лошадей и баранов во взятку ему не дадут, да и без позволения его скот перегонят, о таковых сообщая и называя ворами, делает озлобление».²

Здесь мы встречаем явное указание на своеобразные методы эксплуатации простого народа «белой костью». Султаны облагали поборами «свободных» казахов, прибегая к вымогательству путем стовора с царскими пограничными властями, или прибегали к ограничению кочевья казахов, используя это ограничение также в целях вымогательства.

Менее тесными были связи царского правительства с феодалами «черной кости». Процесс феодализации глубоко проникал в общественные отношения казахского общества. На ряду с феодалами «белой кости» выросли феодалы «черной кости» в лице биев, батыров. Очень любопытно отметить, что Георги не причисляет батыров к составу казахского дворянства. К числу дворян он причисляет лишь султанов, биев и ходжей.³

Указание Георги интересно не тем, что он дает правильную характеристику класса феодалов у казахов, но оно подтверждает положение, что этот класс по происхождению был неоднороден. Батыры не принадлежали к так называемым «чингизидам», т. е. к знати «белой кости». Это совсем не значит, что батыры в XVIII в. были теми «удальцами», наездниками, которые принадлежали к массе «простого народа». Они, несомненно, составляли часть класса феодалов. Подтверждение этому мы находим у Гавердовского:

«Народ вообще разделяется на 2 класса: на дворян, происходящих от ак-суяк, или тюря-суяк, т. е. белых костей, и на чернь, происходящих от кара-суяк — черных костей. Первое сословие составляло издревле ханские потомства, т. е. султанов, старшин и тарханов, и из них избирались родоправители; они прежде были богатейшие в Орде, пользовались отличными правами. Но ныне происходящие от черных костей столько же усилились; они часто приобретают себе титул биев, батырей, входят в родство с султанами и начальствуют многими аулами».⁴

¹ ГАФКЭ. Колл. ин. дел, № 4, 1754 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, лл. 8—9.

² Док. № 11 настоящего сборника. Аналогичные указания содержит и ряд других документов.

³ Георги, цит. соч., стр. 124. Очевидно по недоразумению Георги причисляет биев и ходжей к «белой кости».

⁴ Я. Гавердовский, цит. рукопись, ч. II, л. 71 об.

К батырам в XVIII в. часто принадлежали весьма влиятельные феодалы: назовем батыра Средней Орды Жаныбека, Исета — Малой Орды. Любопытна группировка присягнувших в 1743 г. казахов ведомства Жаныбека. В приложении к донесению Неплюева в Колл. ин. дел все казахи разбиты на 3 категории: старшины, средние, рядовые. Батыры как исключения встречаются в последней категории и являются преобладающей группой в первой.

Приведем некоторые данные: ¹

Р о д	Старшины		Средние		Рядовые	
	всего	батыры	всего	батыры	всего	батыры
Аргын	10	8	31	5	65	3
Кипшак	2	2	10	2	46	3
Табын	17	5	14	—	15	—
Жагайбайлы	13	7	7	—	6	—

Эти данные говорят о том, что по преимуществу батыры принадлежали к группе военной знати.

Нередко звание «батыра» присваивали себе владельцы, т. е. феодалы «белой кости», как почетное звание. Ошибочно было бы думать, что феодалы «черной кости» всегда враждебно относились к царскому правительству; они легко шли на соглашение с царскими властями и выполняли их ответственные поручения. Так, например, Худай-Назар бий Табынского рода усиленно занимался грабежом бежавших в 1755 г. в Орду башкир и выдачей их царскому правительству.² Придерживался союза с местной администрацией и Жаныбек тархан и др. Но это не отрицает того обстоятельства, что основные связи царского правительства с казахскими феодалами шли по линии феодалов «белой кости» — группы Абулхаира.

На почве этого союза и складывался тот своеобразный синтез феодального и колониального гнета, который двойным прессом давил на казахский народ.³ По мере превращения султанов дома Абулхаира в исполнительный аппарат царских колонизаторов эта феодальная группа начинала олицетворять в себе систему двойной эксплуатации. Отсюда понятно, что борьба феодальных группировок могла принять форму борьбы за независимость и, втянув в себя широкие круги казахского народа, принять черты освободительного народного движения. В этом случае она неизбежно должна была направляться против господства царской России и одновременно против феодальных группировок, объединенных ханами из дома Абулхаира, которые являлись внутри Орды агентурой царских колонизаторов. Таковы

¹ ГАФКЭ. Колл. ин. дел, К 9, № 3, 1773 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, лл. 56—57 и л. 147.

² Документы, освещающие деятельность Худай-Назар бия, печатаются в сборнике документов «Башкирские восстания 1755 г.», т. III, изд. Акад. Наук.

³ Когда мы говорим о развитии в Казахстане (в Малой и Средней Ордах) не только феодальной, но и колониальной системы эксплуатации, то естественно возникает вопрос о взимании с казахов ясака. При принятии подданства Абулхаир хан обязался платить ясак в 4000 лисиц, зять его, батыр Мухамед султан, — 1000 лисиц и 100 корсаков, сын хана, Нур-Али, — 1000 лисиц. Но фактически ясак не платился. Царская администрация, однако, помнила это обязательство и неоднократно делала попытки наложить на казахов ясак. Такая попытка была за интересующий нас период сделана в 1791 г. (ГАФКЭ. Колл. ин. дел, Сношения России с киргиз-кайсаками, К 54, 1791 г. «О взимании ясака с киргизов»). Но поскольку позволяют судить материалы, сохранившиеся в центральных архивах, в XVIII в. царскому правительству удалось обложить ясаком лишь часть казахов Средней Орды, именно тех, которые переселились на русские земли, т. е. за линию.

были условия, которые подготовили хозяйственный упадок Малой Орды в конце XVIII в. и привели к обострению классовой борьбы и борьбы между различными феодальными группировками.

II

Обострение внутренних противоречий в Малой Орде проявилось в широком движении, связанном с именем байулинца — батыра Срыма Дат улы.¹

Начало выступления Срыма относится к 1783 г. Это движение было сложным по составу участников и неоднородным по целям на различных этапах его развития. Батыр Срым сумел стать главой широкого движения против господства агентуры царских властей — султанов дома Абулхаира и той системы колониально-феодального гнета, о которой мы говорили, прибегая к дипломатическим переговорам и не останавливаясь перед героическими мерами вооруженной борьбы с царскими колонизаторами.

До 1784 г. это движение направлялось исключительно против Уральского войска. В 1783 г. Срым принимал участие в борьбе с возглавлявшимися Чагановым линейными казаками, грабившими аулы хана Нур-Али. Чаганов был взят в плен Срымом и продан в Хиву. Карательной экспедицией в том же году Срым в свою очередь был захвачен в плен, но выкуплен ханом Нур-Али.²

После своего освобождения Срым снова разворачивает при ближайшем участии старшины Табынского рода Тленши Богенбай улы вооруженную борьбу против уральцев. Отряды Срыма нападали на воинские команды. Срым концентрировал на Сагизе силы для нападения на линию. Но хан теперь выступал не с Срымом, а против него, призывал губернатора к посылке вооруженных отрядов в степь для борьбы с Срымом.

Причины личного разрыва Срыма с Нур-Али мы не знаем. Но движение Срыма с 1784 г. выступает как широкое общественное движение, направленное против ханской группы, объединившей феодалов «белой кости» дома Абулхаира. Причины этого движения с достаточной ясностью излагает бар. О. А. Игельстром в донесении Екатерине II: «Огорчение оных (старшин. — М. В.) и всего народа против хана столь велико, что не иначе его, как вредителем своим и нарушителем покоя их не называют, объявляя, что Абулхаир хан, пришед с народом киргиз-кайсацким в подданство высочайшего престола, 18 лет управлял народом наилучше и содержал в должном повиновении, почему оной всегда был спокоен и не отваживался ни на какие дерзости; по смерти оного сын его, Нур-Али хан, первые 8 лет правления своего следовал примеру отцовскому. Но назад тому уже 30 лет, отделяя от себя всех лучших старшин, с которыми наперед имел согласие и советы, ни мало не попечается о благе народном, но еще к удовольствованию своего корыстолюбия разные оному притеснения чинит, как-то: при перегонах во внутрь линии и в степи на удобные для корму места скот киргизской, собирал с каждого коша при всяком перегоне по 1 лошаде и по 1 барану. Сверх сего, дети его, хана, коих имсет 40, подвезжая к тем же местам, собирали с народа каждый равную же для себя часть. Ежели же некоторые сему сбору оказались ослушными и перегоняли скот, не дав объявленной дани, тогда хан, злобствуя на таковых, извещал здеш-

¹ Впервые это обострение противоречий проявилось в 70-х годах в участии казаков в движении Пугачева. Мы не можем здесь рассматривать это движение, которое нуждается в самостоятельном исследовании и выходит за хронологические рамки настоящего тома. Этот вопрос будет рассмотрен в III томе настоящего сборника материалов.

² См. А. Д. Рязанов, Батыр Срым Датов. Советская Киргизия, № 10, 1924.

них пограничных начальников и Уральское войско ложно, что киргизцы, перешедшие на внутреннюю сторону, суть воры и имеют намерение к набегам; по каковым ево несправедливым доносам оным захват чинился, а потом он же, хан, брав с родственников тех, кои захвачены, по немалому числу лошадей из под задержания их выпрашивал».¹

Наши источники очень часто говорят о «черном» и «подлом» народе как социальной опоре Срыма. Нужно, конечно, иметь в виду, что эти источники исходили или от казахских феодалов, или от царских колонизаторов. В частности, донос Гранкина, в котором особенно подчеркивается эта народная сторона движения Срыма, несомненно, тенденциозен. Гранкин, в склоку с ген.-губернатором, естественно, стремился подчеркнуть народный характер движения, поддерживаемого бар. О. А. Игельстромом, — обвинение довольно серьезное для губернатора наместничества, которое недавно являлось очагом крестьянской войны. Но ту же черту движения Срыма подчеркивают и другие печатаемые нами источники.²

О народной базе этого движения говорит и его массовость и те народные предания, которые сохранились о Срыме.

Нет оснований не доверять этим данным. Мы только что привели выдержку из донесения бар. О. А. Игельстрома, построенного на основании представления старшин.³

Причины, толкнувшие феодалов «черной кости» на борьбу с группировкой Абулхаира, были понятны и близки массе казахов-скотоводов, терпевших прежде и больше всего от насилий посылаемых в степь команд и от султанов группы Абулхаира.

Но если движение Срыма возникало как движение широких масс трудящихся казахов, то руководство им все же находилось в руках знати «черной кости».

Сам Срым принадлежал к этой социальной группе. Он был старшиной рода Байбакты, и под его управлением находилось около 2000 кибиток.

Мы не имеем прямых указаний, насколько Срым выделялся по богатству из массы простых казахов, но косвенные указания у нас есть. У Левшина мы находим сведения о поминках, которые были справлены по Срыму после его смерти. Казахи в годовщину смерти справляли по умершем поминки, которые были тем богаче, чем зажиточнее был умерший, и вот поминки Срыма «стоили наследникам и родным более 2500 овец, до 2000 лошадей, до 5000 ведер кумыса, несколько кибиток, панцырей и множество других вещей, розданных отличнейшим наездникам, стрелкам и борцам».⁴ Такие поминки были доступны лишь исключительно богатым людям. О богатстве Срыма говорит и муфтий Мухамеджан Хусаинов, предложивший царским властям просить Срыма возместить кушцам их убытки после разгрома караванов в степи.⁵

Руководство движением Срым осуществлял через родовых старшин, батыров, всех тех, кто объединялся в группу знати «черной кости». Об этом ясно говорят наши источники.

Под управлением хана Нур-Али находились некоторые отделения рода Шекты, Каракесек, Каракете, Карасакал, принадлежавшие к алимулинцам, и 12 родов поколения Бай-улы.

Алимулинцы подписались под заявлением об устранении хана Нур-Али. Байулинцы являлись центром движения Срыма. Под прошением об уstra-

¹ Док. № 9, II настоящего сборника.

² Там же, док. № 9, I.

³ Там же, док. № 9, II.

⁴ Левшин. Описание Киргиз-Кайсацких Орд и степей. т. III, 1832, стр. 116.

⁵ Док. № 79 настоящего сборника.

невии Нур-Али от ханства подписались представители 20 родов из 25, перечисленных бар. О. А. Игельстромом.

Все это доказывает, что движение против группировки феодалов, возглавлявшейся ханом, охватило широкие круги знати «черной кости»; ведь выносились решения не народом, а старшинами, они же подписывали тамгами всякого рода прошения.

Влияние Сырма в Орде было велико. Но это влияние в значительной мере основывалось на поддержке старшин и батыров других родов. В этом отношении исключительно интересно заявление Каратау бия, сделанное им муфтию Мухамеджану Хусайнову при свидании с ним около крепости Кулагинной в 1790 г.: «Да сверх того уведомился я, что когда изволили с Сырымом иметь переговоры, то говорили, хотя де другие киргизы и не приедут, но довольно де и одного ево, Сырыма, а другие никто не потребны; о чем мы думаем, что те ваши слова в действие ити не могут по причине, что ево, Сырыма, приказанья никто исполнять не будет. . . Когда в обществе нашем имеете надобность, то изволите пожаловать сами к нам в улусы, где и переговоры учинить можете; а общества нашего почтенные люди условились для того собраться в деревню мою, коим и положенное время уже наступило».¹

Феодалное руководство движением отражает и задачи, которые преследовались Сырымом.

Для правильной интерпретации требований, какие выдвигала группа Сырма, мы не должны забывать, что эти требования исходили от казахских феодалов. Насилия царских властей и вымогательства чингизидов разоряли казахов, подвластных этим феодалам, а жалобы их на попытки Нур-Али править самовластно опять-таки были жалобами феодалов. Следовательно, эта программа не ставила задачи борьбы с феодалной системой эксплуатации, она лишь стремилась устранить те формы феодално-колониального гнета со стороны старой знати и царских колонизаторов, которые мешали развитию и укреплению в качестве господствующего класса знати, вышедшей из кругов «черной кости». Этим, как мы думаем, объясняется как непоследовательность тактики Сырма, так и политическая сторона его движения.

Как устанавливает печатаемый нами материал,² Сырым поддерживал тесную связь с султаном фамилии Жадига. Сын султана Батыра, Каип, был выдвинут группой Сырма в ханы. Представление бар. О. А. Игельстрому к утверждению ханом султана Каипа было предпринято в связи с выдвижением этой кандидатуры старшинской группировкой.

Вопрос шел не об уничтожении ханской власти, а об ее ограничении. «Через словесные, также и писанные донесения посылаемых в Орду открываю я равномерно, — доносит бар. О. А. Игельстром, — что отложившиеся от хана старшины и народ не все единогласно желают быть совсем без хана, но клонится желание их более к тому, чтоб не иметь только внешнего, а впредь выбирать такого, который бы в Орде еще менее теперешнего власти имел по особе своей. Достоинство сие, однако же, чтоб продолжалось, и, дабы отделить власть достоинства от особы его, имеют желание учредить при нем из лучших старшин 3-х начальных родов совет».³

Следовательно, вопрос шел о том, чтобы сохранить прежнюю, привычную форму политического господства феодалов, но добиться при этом если не гегемонии, то, во всяком случае, значительного усиления политической роли знати «черной кости». При признании этого преобладающего Сырым легко шел и на соглашение с феодалами дома Абулхайра. В жур-

¹ ГАФКЭ. Колл. ин. дел., 2-я присылка, К 64, № 1, 1790 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, л. 77.

² Док. № 51 настоящего сборника.

³ Там же, № 12.

нале муфтия Мухамеджана Хусайнова 1785 г. мы читаем, что к Срымю приезжали феодалы дома Абулхайра, именно приезжал Байсары батыр «с Айчувак султана детьми, племянником его и Карабай султана сыном». Срым представил муфтию приехавших к нему «Нур-Али хапа детей, Аблая, Букея и Шияга, которые изъявили желание быть приведенными к присяге на верное подданство ея и. в.»¹ т. е. приняли новое устройство степи, а следовательно, и гегемонию группы Срыма. Капитуляция части феодалов ханской группировки свидетельствовала о слабости этой группировки. Хан в 1785—1786 гг. был, как никогда, одинок. В степи господствовал Срым.

Ханская группировка была совершенно не в состоянии помешать развитию движения Срыма. Нарастание освободительного движения в Малой Орде и слабость ханской группы как основы колониального господства царизма представлялись для царского правительства тем более опасными, что еще жива была память об участии казахов в движении Пугачева.² В этих условиях старая мысль укрепить влияние в степи путем внедрения царской администрации в управлении Ордами, естественно, должна была вновь возникнуть. Она ясно проглядывала еще в рескрипте 1784 г. на имя ген.-губ-ра А. И. Апухтина об учреждении в Оренбурге Пограничного суда. Этот суд, включавший в себя представителей не только казахов, но и царской администрации, должен был стать верховным апелляционным судилищем для казахов.³

Совсем не случайно усиление административного влияния среди казахов предполагалось осуществить через организацию судебного органа. Царским властям было известно, что власть султанов выражалась главным образом в исполнении судебных функций. Об этом писал еще П. И. Рычков в 1774 г.: «Власть как ханская, так и султанская ни в чем больше не состоит, как разбирать обще с салтанами, старшинами и лутчими улусными людьми происходившие между киргизов ссоры, а нашаче те, кои одни старшины не могли окончить или окончили, да судившиеся у них судом их недобольны».⁴

В 1775 г. А. И. Апухтина в качестве ген.-губернатора сменил бар. О. А. Игельстром. Реформа, которую он пытался провести, заключалась в том, что в подчинении Малой Орды — Алим-улы, Бай-улы и Жети-руу — должны были быть учреждены *расправы*, всего три. Фактически было организовано четыре *расправы*.

Игельстром рассматривал учреждение *расправ* как первый шаг в организации управления Малой Ордой по типу «Учреждения о губерниях» 1775 г. Функции *расправ* были определены не сразу, в конечном счете *расправы* были организованы как судебные учреждения, выполнявшие в то же время и полицейские функции. *Расправы* были учреждены в 1787 г. Годом раньше, в 1786 г., был организован и Пограничный суд в Оренбурге. Состав *расправ* был следующий: председатель «из начальника того рода», 2 заседателя «из знатнейших старшин лучших поколений» и 1 мулла, формально для писмоводства, а фактически — для надзора.

При проведении реформы наиболее влиятельные и сильные старшины отказались войти в состав *расправ*, но без их поддержки — Игельстром это понимал — новое устройство осуществить было невозможно. Тогда Игельстром ввел для них новое звание «главных старшин». Предлагалось возложить «на них обязанность наблюдать за всеми родами, началь-

¹ ГАФКЭ. Колл. ин. дел., К 61, № 2, 1775—1780 гг., Сношения России с киргиз-кайсаками, лл. 198 и 205 об.

² А. П. Чулошников. Киргиз-Кайсацкие кочевые орды и Пугачевщина. Новый Восток, № 25, 1929, стр. 201.

³ ИСЗ, т. 22, № 15991.

⁴ ЛОИИ. Собр. гр. Воронцовых, № 247, л. 85.

ных или главных родов составляющими, и за начальниками оных, чрез что правление всем народом в руках их состоит».¹

Наконец, в качестве низового звена в новом устройстве степи утверждались родовые старшины, которые должны были «употреблять себя на удержание в верном подданстве, мире и тишине подчиненные им поколения».²

Такова была схема, которую в конечном счете приняла реформа Игельстрома. Но ее интерес заключался главным образом не в этой схеме, из которой в конце концов ничего не вышло и от которой к началу XIX в. пришлось отказаться: Пограничный суд был закрыт в 1799 г., расправы — в 1806 г.

Интерес реформы — в ее активной роли в развитии социальной борьбы, происходившей в Малой Орде.

Для правильного понимания значения реформы Игельстрома нужно иметь в виду, что эта реформа не порывала традиционной политики царского правительства в Казахстане: опираться именно на феодальную знать, и лишь ориентировалась на иные феодальные группы казахского общества. Ясно, что царское правительство не собиралось опираться на народ.

Характерно, что адъютант Игельстрома, полк. Гранкин, в докладе на своего шефа от 13 декабря 1788 г., обвинял ген.-губернатора в том, что вродовые расправы были выбраны не знатные, а «простые» казахи.³ Игельстром прекрасно понял меткость и остроту данного обвинения. В своем оправдательном «объяснении» он стремился отвести от себя это обвинение. Говоря о выборе членов Пограничного суда, он замечает: «Но ежели в самом деле есть кто из них степени низкой, так сие легко могло последовать, ибо киргизцам казался диким предмет сей, и они во время учреждения Пограничного суда не имели о нем ни малейшего понятия и доверенности к нему; и когда выбирали туда судей, то думали, что они ничто другое там будут, как аманаты, которых брали от них прежде и безмерно дурно содержали. Пыне, как они вникли уже несколько в полезность учреждения сего суда и познали, что те люди — судьи, а не аманаты, иначе об сем рассуждают, и я уверен, всемиростивейшая государыня, что при будущей перемене нынешних судей, которая последует в октябре месяце настоящего года, действительно лучшие люди охотно пожелают быть в суде сем».⁴ Да и два рескрипта на имя бар. О. А. Игельстрома, от 3 июня 1786 г. и 7 декабря 1787 г., ясно указывают те социальные группы, на которые должен был опираться ген.-губернатор. Первый из них, говоря о лицах, назначенных в Пограничный суд, указывает, что «хотя в том поименован один из султанов, по тогдашнему еще начальству Нур-Али хана, но буде старшины и народ выбрать султана не пожелают, место его занять могут другим из начальников почетнейшим».⁵ (Разрядка моя. — М. В.)

В данной связи любопытно отметить, что в первоначальном варианте реформы предполагалось, повидимому, лишь расширить социальную базу господства царизма в степи: привлечь к расправам наряду с султанами и старшин.

Это видно из рескрипта от 2 мая 1784 г. А. И. Апухтину: «Весьма нужно, чтоб вы имели при себе в Оренбурге или Уфе депутатов от Орд Киргизских, в том числе одного из султанов и некоторое число из старшин разных начальств или поколений, через коих могли бы вы о всем получать от их начальников известия, ваши советы и предписания через них сообщать. О чем вы и согласитесь с ханами и нам дайте знать, какое им

¹ Док. № 26, I настоящего сборника.

² Там же, № 12.

³ Там же, № 32.

⁴ Там же, № 33.

⁵ ИСЗ, т. 22, № 16400.

содержание назначить пристойно».¹ Но это было в 1784 г. Когда же в 1785 г. Игельстром прибыл в Уфу, он на месте столкнулся с фактом обостренной внутренней борьбы в Орде между группой Нур-Али хана и группой Срыма.

В условиях этой борьбы попытка расширить базу колониального господства удалась не могла. Не могло, конечно, осуществиться и предположение Игельстрёма «остаться зрителем» этой борьбы.

Осуществление реформы натолкнулось прежде всего на сопротивление самих султанов, власть которых, несомненно, ущемлялась учреждением расправ. Пришлось пойти на частичное изменение социальной базы реформы. Хана и султанов было решено отстранить от управления Ордой. Но устрояя султанов от непосредственного управления поколениями или группами родов, правительство не теряло надежды использовать их путем привлечения на русскую службу. Правительство стремилось предотвратить враждебные выступления с их стороны. «В рассуждении многих султанов, к повому преобразованию Орды не приставших, — читаем мы в указе от 7 декабря 1787 г. бар. О. А. Игельстрому, — и по причине потеряния прежней власти своей недовольных, мы будем ожидать от вас представления тех средств, кои вы обещаете изыскать к успокоению и привлечению и их в единомыслие с прочими благонамеренными, почитая, что добровольное склонение некоторых из них в службу здешнюю, где бы они могли быть определяемые к тамошним нерегулярным или же и к другим войскам, а по времени и случаям ободряемы повышением чинами, послужили бы не последним способом к привязанию их к нам и к приласканию самых недовольных».

Оренбургский военный губ-р Н. Н. Бахметев в своем представлении указывает, что задержание султана Айчувака в Уральске и ссылка хана Нур-Али в Уфу была вызвана тем сопротивлением, которое встречало проведение реформы в этих главарях султанской партии.² Султанскую партию, недовольную мероприятиями ген.-губернатора, после задержания Нур-Али и Айчувака возглавил брат хана, Ер-Али султан.

Причины выступления Ер-Али против русских изложены в письме Ер-Али полк. Гранкину: «... ибо, — читаем в письме Ер-Али, — Айчувак султану уже 3-й год, а хану другой, и хотя мы с самых тех времен от г. генерала письменною просьбою об них настоям, однако, ни одного благосклонного ответа не получили. . . » Но дело было не только и не главным образом в задержании хана и Айчувака: «Ежели в мыслях ваших дурного нет, то у нас к злодеянию предприятия ни мало не имеется, а только есть неудовольствие, потому что пред сим те, которые, вреда обществу, делали нападения на крепости, ныне зделались приятелями, а мы, хотя в духе нашем и хорошее расположение имеем, угодляемся злодеям».³

Ни «приласкивания», ни угрозы со стороны Гранкина не помогли склонить Ер-Али султана к примирению: «Аллах ведает, сможете ли вы справиться с нами. Мы положились на Аллаха. Хвала Аллаху: впереди нас [путь] открыт и мы не находимся в вашем окружении».⁴ Письмо Ер-Али султана явилось ответом на послание к нему полк. Гранкина с предложением прекратить борьбу против русских, с обещанием в случае покорности милостей ген.-губернатора.⁵ Письмо Гранкина мало чем отличалось от обычных обращений к ханам, хотя бы Неплюева, но острота положения не была учтена Гранкиным.

Сопротивление султанов реформе, проводимой Игельстромом, вынуждало его опереться на группу Срыма, что заметно усиливало последнего

¹ ПСЗ, т. 22, № 15991.

² Док. № 59 настоящего сборника.

³ Там же, № 24.

⁴ Там же.

⁵ Там же, № 22.

в борьбе с султанами. Игельстром признавал зависимость предпринятой реформы от поддержки Срыма; на «народном» собрании старшин-байулинцев, на котором ахун Мухамеджан Хусайнов и ассесор Бекчурин сделали в 1785 г. предложение об учреждении расправ, они получили от старшин ответ, что «поелику Срыма батыря между ними нет, то дальнейшее о исполнении сего предложения мероположения их отлагают до возвращения его».¹ Сознанием необходимости опереться на партию Срыма продиктовано было, повидимому, активное вмешательство Игельстрема в дело освобождения Срыма, когда последний был захвачен Ишим султаном и передан Ер-Али султану.²

Сопротивление группировки хана введению Пограничного суда и расправ как подготовительной меры организации управления степью по типу «Учреждения о губерниях» заставило Игельстрема занять примирительную позицию к представителям «черной кости». Он послал в степь ахуна Мухамеджана Хусайнова с «открытыми листами». «Сии открытые листы, — писал Игельстром, — то возымели действие, что вышеобъявленные, противу здешней стороны вооружившиеся и мятежные киргис-кайсаки почувствовали свое преступление, тогда же перестали злодействовать, и самые злодеи обратились ко мне, не быв одобряемые никакими еще со стороны моей подарками и признавая себя виноватыми, вознесли ко мне писанные прошения, изъясняющие разные жалобы на Нур-Али хана и его детей».³ Это обращение к народу помимо хана и вопреки ему было действительно новым явлением в колониальной политике царизма в Казахстане; оно дало повод полк. Гранкину упрекнуть Игельстрема в том, что преобразование Малой Орды «облеснуло только между низкими и самыми непотребными людьми».⁴ Но цель Игельстрема — сломить сопротивление ханской партии — была достигнута: «Малое число старшин киргизских, — пишет Игельстром, — кои в начале возчувствовали омерзение к прежнему их порочному поведению, увеличилось через короткое время до такого множественного, что наконец, с согласия всей их Орды, кроме весьма малого числа придержавающихся хана и брата его Ер-Али султана, учрежден Пограничный суд».⁵

Но если обстановкой внутренней борьбы Игельстром был вынужден ориентироваться на группу Срыма, то почему этот союз оказался возможным, почему группа Срыма пошла на этот союз?

В одном из своих донесений, говоря об учреждении в Орде расправ, Игельстром прибавляет, что прибывшие к нему от казахов денугаты к этому учреждению «весьма по случаю сего и наклонны, дабы не быть зависимыми от хана. Однако же, со всем тем желают остаться при древнем обыкновении: иметь хана, отделя только его от управления народом, почему сим посланникам общий суд и кажется приятным».⁶ Это указание очень интересно не только тем, что показывает, как группа Срыма стремилась отнять у хана судебные функции и, значит, вообще ослабить его власть, но также и тем, что оно объясняет, почему оказалось для Игельстрема возможным при проведении реформы опереться именно на группу Срыма. Если царское правительство смотрело на введение расправ как на средство проникновения влияния царизма в глубь степи, то Срым и его группа смотрели на расправы как на средство ослабить влияние султанов и хана. Ослабление хана и султанов означало в то же время усиление влияния

¹ ГАФКЭ. Колл. ин. дел, К 63, № 11, 1786 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, л. 5.

² Док. № 14 настоящего сборника; ответ бар. О. А. Игельстрема на 2-й пункт дописа Гранкина, там же, док. № 33.

³ Там же, № 33, п. 1.

⁴ Там же, № 32.

⁵ Там же, № 33.

⁶ Там же, № 6, I.

и власти старшин, батыров, вообще знати «черной кости». Таков был результат реформы Игельстрома.

Но союз Срыма с царскими властями неизбежно должен был при сохранении прежней народной базы движения привести к столкновению с царскими властями. Независимо от воли Срыма, этот союз открывал новые возможности укрепления господства царской России в Малой Орде, а значит и усиления колониального гнета.

Устранение Игельстромом Нур-Али хана, запрещение после 1785 г. набегов на казахов создало на время мирные отношения между казахами группы Срыма и царским правительством.

Хотя распоряжение Игельстрома о запрещении нападений вызвало явное неудовольствие в представителях местных властей, особенно военных, полностью эти нападения не прекращались, и понятно почему: ген. Н. Н. Бахметьев откровенно указывает, что эти так называемые «бармты» против казахов позволяли «составлять состояния»,¹ но однако, развитие событий, необходимость опираться на группу Срыма заставляли Игельстрома придерживаться запрещения набегов на казахов. Эта тактика «мирного» завоевания степи временно привела во всяком случае к некоторому уменьшению грабежей. Отношения между казахами и русскими улучшились. Об этих добрососедских отношениях очень ярко говорит письмо полк. Персидского гр. А. Р. Воронцову: «От киргизцов ничего неприятного не видно, — писал из Астрахани С. Г. Персидский, — да и ожидать так скоро от них того нельзя. . . К ныне приближавшимся постам киргизцы обходятся дружественно, и нималого знаку к сомнению не поддается».² Имеется также свидетельство о доброжелательном отношении самого Срыма к России.³ Несомненно, что огромную роль в установлении на время мирных отношений сыграло и землеустройство казахов при Игельстроме. Вопрос о землеустройстве казахов при Игельстроме в литературе почти не освещен. Так, у Лобысевича⁴ мы имеем указание на разрешение казахам в числе 40 000 кибиток перейти на зиму на астраханские земли. Игельстром исходил из указа 1782 г. ген. А. И. Апухтину, разрешавшего перегушивать казахов на определенных условиях за Урал, в Астраханские степи, но только на зимнее кочевье. В деятельности Игельстрома новое заключалось, во-первых, в том, что перепуск казахов на внутреннюю сторону не был связан обязательно с зимним кочевьем. Инициатива в организации перепуска казахов на правый берег р. Урала в зимнее время принадлежала им самим. Несомненно, что особенно острая нужда чувствовалась у казахов в зимних кочевьях. Но, повидимому, Игельстром строил более широкие планы землеустройства казахов. Мы читаем в сообщении Игельстрома астраханскому обер-коменданту: «Киргиз-Кайсацкой Меньшей Орды разных родов старшины и другие киргизцы просили меня о позволении прикочевывать им со скотом своим к границе и в с л у ч а е н у ж д ы в к о р м а х (разрядка моя. — М. В.) перепускать оной на внутреннюю сторону».⁵ Здесь вопрос о переселении ставится, в связи с нуждой в кормах, в общей форме и не связывается обязательно с зимним кочевьем казахов. Это обстоятельство заставляет предполагать связь реформы Игельстрома с необходимостью хотя бы частичного разрешения земельного вопроса. Найти опору в группе Срыма, поддерживаемой по преимуществу казахами поколения Бай-улы, особенно нуждавшимися в пастбищах, без

¹ Там же, № 59.

² Там же, № 30.

³ Там же, № 31.

⁴ Л о б ы с е в и ч. Поступательное движение в Ср. Азию в торговом и дипломатически-военном отношениях. СПб., 1900, стр. 54.

⁵ ЛОИИ. Собр. гр. Воронцовых, № 553, л. 229, а также док. № 20 настоящего сборника.

частичного хотя бы удовлетворения нужды казахов в землях, пригодных для кочевья, было невозможно. На потребность именно широких масс казахов расширить район кочевок указывает и то обстоятельство, что разрешение перейти на внутреннюю сторону получило большое число кибиток — 45 130, а фактически перешло больше, возможно, 60 000 кибиток.¹

Эти особенности разрешения казахам перекочевать на астраханские земли говорят об одном: Игельстром сделал попытку частично решить земельный вопрос у казахов путем перепуска на внутреннюю сторону некоторых казахских родов, находящихся под управлением старшин и батыров. Казахи провели зиму 1786 г. на внутренней стороне. В апреле 1787 г. они еще не перешли на зауральские степи, хотя обычно с зимнего кочевья на весеннее переходили в марге. Казахи не переселились на вечное кочевье в Астраханские степи, но включили их в район своих кочевок. По печатаемым документам мы можем проследить, с каким упорством казахи осуществляли этот переход, несмотря на формальное ограничение права кочевать на внутренней стороне с назначением ген.-губ-ром А. А. Пеутлинга,² пока, наконец, в 1797 г. астраханский губернатор не вынужден был поставить вопрос: не лучше ли разрешить казахам навсегда переселиться на внутреннюю сторону? В 1801 г. с образованием Бухеевской Орды разрешение было дано. Все это показывает, как существенно было для Игельстрома связать проведение нового устройства степи с удовлетворением нужды казахов в пастбищных землях, как Игельстром был вынужден изменить методы колониальной политики. Это было не отказом от колониального порабощения казахского народа, а попыткой перехода к новым, более эффективным методам колониального господства путем внедрения новых административных учреждений в глубь степи. Но политика Игельстрома не предотвратила нового подъема движения Срыма.

Какие бы цели лично ни преследовал Срым, объективно его движение оказалось направленным против своеобразной феодально-колониальной системы эксплуатации, которая в глазах широких казахских масс олицетворялась не только царской администрацией, но и султанами фамилии хана Абулхайра. Это обусловило популярность Срыма в Орде, не только втянуло в его движение знать «черной кости», но и обеспечило поддержку широких кругов скотоводов. Необходимостью для группы Срыма, с одной стороны, было стремиться использовать внутри Орды недовольство широких трудящихся масс феодалами, группировавшимися вокруг хана Нур-Али, и, с другой, стремиться обеспечить себе поддержку царской администрации в процессе борьбы с группировкой хана. Это противоречие должно было разрешиться или потерей массовой базы движения внутри Орды или разрывом с царскими властями. Кризис движения был ускорен колеблющейся, непоследовательной тактикой Срыма. Сознал ли сам Срым ненадежность и неизбежное крушение союза с царизмом? Вероятно, да, хотя он и не хотел этого. В этом нас убеждает прежде всего то, что еще до отозвания Игельстрома из Уфы Срым искал поддержки в Бухаре и склонялся на уговоры Бухары³ отложиться от России.

В донесении муллы Абдул-Керима Уразбаева говорится о решении Срыма и Каратау бия нарушить мир с русскими и при этом рассказывается, что Асан мулла и Кара-Жыгит говорили Срым и Каратау бию, что «если

¹ Док. № 18 настоящего сборника.

² Там же, док. №№ 54 и 55.

³ Агитация Бухары, повидимому, была связана с деятельностью Порты, которая во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. усиленно стремилась поднять мусульманское население Средней Азии против России. По протоколам Непременного совета за 1787—1791 гг. мы можем проследить, как развивалась деятельность бухарских мулл в казахской степи (Архив Гос. совета, т. I, стр. 812, 814, 848, 851, 859, 860). Данные этих протоколов позволяют нам с доверием отнестись к известиям о деятельности бухарских мулл в Орде в пользу Порты.

сего они не сделают, то потеряют свой закон и не могут быть мусульманами, потому что они имеют в получении Хивы и Бухарии письма, которые подтверждают то же самое, что и от них, муллов, им сказано».¹

Тот же документ содержит указание и на первые шаги столкновения Срыма и Каратау бия с русскими. Все это происходило не позднее начала февраля 1790 г. Через несколько месяцев в письме гр. А. Р. Воронцову полк. Персидский писал о казахах, что «противная сторона успела совершенно их развратить, и они уже действовали в нынешней зиме не как воры, но яко истинные неприятели, будучи предводительствуемы родственниками Сырым батыра, и нападали на 3 поста, из коих один преодолел многолюдством, пленили 6 человек; и если верить известиям, то ожидать должно ожидающим летом от них нападения на Уральскую линию с помощью бухарцев немалого числа, которую они ожидают».² Однако мы можем с уверенностью говорить, что если в самом начале 1790 г. Срым сделал попытку получить поддержку Бухары и отойти от русской ориентации, то уже в марте того же 1790 г. это обострение взаимоотношений с Россией не входило в планы и намерения самого Срыма, а отражало скорее одно из направлений, существовавших среди старшин, приверженных Срымму. Повидимому, главной причиной, побудившей Срыма договориться с царскими властями, было упорное нежелание влиятельных старшин поколения Байулы отдаляться кочевьями от линии, а следовательно, идти на разрыв с царской администрацией. В этом нас убеждает журнал Мухамеджана Хусаинова, веденный им при свидании с Срыммом при крепости Калмыковой в 1790 г. Уже когда обнаружился поворот царской администрации к старой ориентации на султанские группировки, Срым шел на очень широкие уступки царским властям.³

Но с отзыванием Игельстрома из Уфы в 1790 г. создаются новые условия для дальнейшего развития движения.

После отзыва Игельстрома местные власти возвращаются к прежней практике захватов и набегов,⁴ тем более, что попытки «мирным» путем подчинить казахов через учреждение расправ явно не удались.

Устранение султанов лишь усиливало влияние старшин, но не помогало утвердиться царской администрации в степи. Даже более: конфиденты из казахов, назначенные присутствовать в Пограничном суде, явились своего рода агентами, информировавшими казахов о мероприятиях царского правительства.⁵ Все это ослабляло интерес царского правительства к расправам, возврат же к прежним методам колониальной политики лишил правительство поддержки старшинской группы, а без этой поддержки все учреждения в степи были бесполезны и мертвы.

Причины, усилившие вновь борьбу казахов против царизма, отчетливо изложены в журнале, в 1790 г., оренбургского муфтия Мухамеджана Хусаинова. Муфтий передает со слов не только казахов, но и русских, бывавших в Орде, «что они, киргизцы, от несносных раззорений со стороны Уральского войска не токмо что в смятении, но беспокойстве их так велико, что едва не имеют ли они намерения удалиться от границ российских, с тем удалиться и от верноподданства российского», и что Срым батыр и другие старшины «единогласно жаловались, что с самого отсутствия из

¹ Док. № 36 настоящего сборника.

² Там же, № 40.

³ Журнал муфтия Мухамеджана Хусаинова напечатан в № 2 «Исторического Архива» изд. Акад. Наук.

⁴ Мы должны заметить, что, несмотря на запрещение Игельстрома производить «бармту» против казахов, мелкая «бармта» (т. е. мелкие набеги) не прекращалась. Об этом ясно говорит письмо Срыма ген. С. А. Брянчанинову (док № 34 настоящего сборника).

⁵ ГАФКЭ. Колл. ин. дел, К 61, № 1, 1790 г., Сношения России с киргизкайсаками, лл. 55—60.

тамошних краев его высокопр-ва Осипа Андреевича бар. Игельстрома, не знаем почему; начали причинять они, Донсков с участники, несносные обиды и раззорения, и они, оставаясь в великом изнурении, приносили на них жалобы, но доходят ли они, им неизвестно».¹ Что касается жалоб казахов на насилия атаманов Донского и Мизинева, то судьба их нам известна. «Правитель наместничества (А. А. Пеутлинг. — М. В.) вслед прежнего его предписания, имея уведомления обстоятельные от муфтия о жалобах их на атамана Донского, Мизинева и их войско, предписывает муфтию, что к примерному наказанию остервевающих киргизцев в их буйстве уже повсюду победоносное оружие российское состоит в готовности и предлагает иметь сношения и советы с г. полковником войска Уральского войсковым атаманом Донсковым».

Ограничено было и право казахов перегонять скот на астраханские земли. Все это было различными формами проявления возврата к прежним традиционным методам колониального гнета. Ярким проявлением той же тенденции явилось назначение в 1791 г. преемником Игельстрома, А. А. Пеутлингом, ханом султана Ер-Али, вождя султанской группы. Стремление примириться с султанской группой и разрыв с группой Срыма яспе прольвить не могли.

Срым понял смысл назначения ханом Ер-Али и разорений казахов, усилившихся с назначением ген.-губ-ром А. А. Пеутлинга. В письме на имя А. А. Пеутлинга старшины, в их числе и Срым, прямо упрекали царское правительство, что оно «желает обманом управлять народом». «Ежели бы не так, — читаем мы в этом письме, — то для чего прешаствуете допустить нас к императрице, из сего точный ваш обман и ухищрения видны, что вы нас хотите довести так же, как нагайцев и башкирцев, поспешить обуздать и наложить службу, а детей наших сделать солдатами и употреблять в походы, и разные тягости хотите на нас возложить. Каковые все ваши намерения мы поняли, ибо и перед сим вы, россияне, скольких, обласкивая серебром и прочим, довели в свое рабство».²

От мелких стычек с царскими командами в степи и на линии батыр Срым переходит к нападению на крепости. В 1792 г. он объявляет войну России. Конечно, непосредственного военного успеха казахи, совершенно не приспособленные к осаде крепостей, иметь не могли. Неудача выступления Срыма явилась лишним подтверждением уже сознававшейся частью казахских феодалов бесполезности прямой вооруженной борьбы против колониального господства паризма. Но в то же время вооруженное выступление масс, только опираясь на которое Срым мог рассчитывать на успех, пугало старшин. Полк. Персидский был, по всей вероятности, прав, когда он писал гр. А. Р. Воронцову, что «нет сомнения, что есть довольно и между ними (старшинами. — М. В.) добрых людей, каковые весьма огорчаются дерзости развратников и утверждают, если они не будут наказаны, то едва ли будет спокойствие; сему, без сомнения, и верить можно».³

В этих указаниях проявилось не только недовольство старшин тактикой Срыма, но и боязнь масс, которые толкали Срыма на решительные вооруженные методы борьбы с системой колониального гнета. Старшины говорят уже о необходимости наказания этих «развратников». И в этих настроениях старшин проявился тот процесс классовой дифференциации движения, о неизбежности которого мы уже упоминали.

Положение Срыма становилось чрезвычайно трудным. Его группа была ослаблена не только боязнью масс, проявлявшейся руководящей верхушкой, но и военными неудачами. Кроме того, надо иметь в виду, что 60-летнее

¹ ГАФКЭ. Колл. ин. дел, К 61, № 1, 1790 г., Сношения России с киргиз-кайсаками, лл. 55—60.

² Док. № 44 настоящего сборника.

³ Там же, № 39.